

Анатолий Агарков

Два атамана

Электронная версия

Два атамана

*Путь доблести, самоотвержения и высокой борьбы
с низким и вредным, с бедствиями и пороками
людей не закрыт никому и никогда.
(Н. Чернышевский)*

Летом 1919 года прокатился фронт по Южному Уралу и затих вдали. Возвращались домой уцелевшие под свинцовыми дождями мужики.

Вернулся в Табыньшу Федька Агарков, ослабший, отощавший – кожа да кости, с яростным желанием вступить в Красную Армию. Но в тот же день, объевшись горячих и жирных щей с бараниной, почувствовал такую резь в животе, что едва добрался до кровати и объявил - мол, пришёл его последний час. От корчей, вызванных рвотой, у него выступил пот. Попросил укрыть его потеплей и оставить в покое.

Мучения Федькины затянулись на две недели. Настолько ослабел, что едва мог держаться на ногах, ходя по нужде. Худой, жёлтый, с распухшими, в болячках, ногами, лежал на родительской кровати, безучастно глядя на хлопотающих подле него. А когда начал поправляться, то не вспоминал уже о военной службе.

Встав на ноги, не спросясь матери, женился вскоре на Фенечке Кутеповой, спасая девку с округлившимся животом от позора. Стал он молчалив и задумчив, будто не только повзрослел разом, а и постарел даже.

От далёких берегов Амура вернулись в станицу Соколовскую красные казаки со своим лихим командиром Константином Богатырёвым. Ни единой царапины кроме рубца на плече от братовой шашки не получил он в жарких боях, а лишь орден на грудь из рук самого Василия Константиновича Блюхера.

Соратники всячески хвалили его:

- При желании большим командиром мог бы стать.

А станичные старики качали головами:

- Так что ж к коровьему хвосту вернулся?

На что Константин отвечал:

- Кусок хлеба для простого человека так же вкусен, а может быть, вкуснее, чем для генерала.

Семён Лагутин не ушёл на восток с белыми частями. Словно затравленный волк, отбившийся от стаи, рыскал он лесными тропами, зло покусывая Советскую власть в деревнях и станицах, но уже не встречал прежней поддержки даже среди казаков.

Особенно тяжело пережили первую мирную зиму. Голод, постоянный страх засады гоняли отряд, таявший будто снежный ком, по глухим хуторам, кордонам и заимкам. К лету осталось у Лагутина едва ли с десяток человек, все вроде него – отпетые и бездомные.

Понял Семён, что пришёл срок его вольности, а может и самой жизни. На лесной заимке у одного богатого казака впал он в запой и никак не мог остановиться уже которую неделю. Соратники, боясь доноса и ЧОНовской облавы, мрачнели день ото дня.

Посыльной председателя станичного Совета прибежал в дом Богатырёвых в предсумеречный час.

- Да не егози ты, - ворчал Константин, натягивая сапоги, - Толком обскажи, что стряслось.

Прибежавший, тяжело дыша, пил из ковша, поданного Натальей, и зубы его стучали о металл.

- Игнат Иваныч прислал, - давился он глотками и торопился рассказать. - Скажи, говорил, бандиты понаехали.... Сам Лагутин с ними.... Во дела!

- Лагутин, говоришь? – Константин повёл широкими плечами и усмехнулся, поймав тревожный взгляд Натальи. – Ну, пойдём, глянем.

- Ты бы это, ружьё взял или покликнул кого, Алексеич.

- Трусоват ты, братец, как и твой начальник.

У станичного Совета подле оседланных коней стояли четверо казаков, за плечами у них были винтовки, на боках – шашки. Константин приостановился, оглядывая

незнакомцев, хмыкнул, качнув головой, и шагнул на крыльцо.

Председатель станичного Совета Игнат Предыбайлов метался от окна к окну, выглядывая Богатырёва. Усмотрев, сел за стол и попытался придать лицу начальствующее выражение, но тут же забыл о нём, едва Константин переступил порог, зачастил, волнуясь:

- Что же ты один? Хлопцев бы своих покликать. И не вооружён. Бандиты пожаловали, а уполномоченный где-то запропастился. Что делать – ума не приложу.

Константин сел на стул, положив могучую руку на край стола:

- Ну, рассказывай.

- Лагутина привезли спеленатого, - выпалил Предыбайлов, утирая цветастым платком вспотевшую лысину. – Амнистию просят.

- Так напиши.

- Думаешь? – Игнат подозрительно покосился на Богатырёва, - А меня потом не того.... за одно место?

- А если они тебя сейчас того, - издевался Константин над безнадёжным трусом.

- Вот сволочи! Ведь могут, а, Лексеич?

- Напиши им бумагу, какую просят, да винтовки отбери – ни к чему они в мирной жизни.

- Амнистию я им напишу и печать поставлю, а винтовки ты бы сам. А, Лексеич?

- Пиши, - Богатырёв махнул рукой и вышел из Совета.

Казачи, хмуро курившие у своих коней, разом побросали окурки, подтянулись, бряцая оружием и амуницией. Они уже догадались, что в Совет пожаловал очень важный человек, может быть, сам Богатырёв.

Константин сошёл с крыльца, топнул ногой, указывая место:

- А ну, клади сюда оружие.

Заказать
полную
версию
произведения
МОЖНО здесь

http://anagarkov.ru/zakaz_form.php